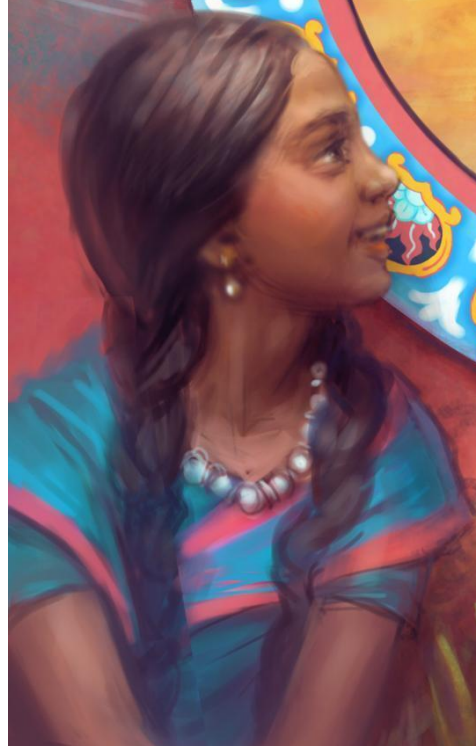

ХРИСТИНА ВЫБОРНОВА

14

Кристина Выборнова

Четырнадцать

«Автор»

2023

Выборнова К.

Четырнадцать / К. Выборнова — «Автор», 2023

Юная пловчиха Малка была любимой маминной дочкой, хорошисткой и примером для подруг. Но из-за внезапно возникшей фобии все пошло наперекосяк: теперь нет ни медалей, ни хорошей учебы, ни даже дружбы. Малку посылают лечиться к отцу, на Шри-Ланку. И один день - 14 апреля, когда ей исполнится 14 лет, а на Шри-Ланке начнется Новый год, изменит ее жизнь, только совсем не так, как она ожидала. Потому что Богиня Океана лучше знает, что нужно Малке...

© Выборнова К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава	5
1. Малка	6
2. Богиня Океана	10
3. Утро. Нана	17
4. Утро. Вокка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Четырнадцать

Глава

1. Малка

– Мадам. Мадам, шаль, шаль купить...

Малка не пошевелилась и даже головы не повернула. Понятно же было, что это не ей: ну какая она мадам. Местные девочек ее возраста звали мэ́м или мисс, а ее не звали вообще никак. Привыкли, что она каждый вечер молча сидит тут, на камнях, ничего у них не покупает и не ходит в воду.

– Пик! Пик-пик-пик!

Это кричал бурундук. Их здесь много. Бурундуки были похожи на маленьких полосатых белок с тоненькими облезлыми хвостиками. Вначале Малка от их писка вздрагивала, а тех, кто визжал особенно истошно, пыталась кормить печеньками со шведского стола. Печеньки они ели, но пищать не прекращали...

Красное большое солнце на горизонте теряло снизу круглую форму и размазывалось по океану, как кусок масла. А океан, как обычно на закате, был жемчужно-серым и непрозрачным. Волны его с шипением протягивались далеко, почти через весь пляж, даже взбирались немного на песчаный подъем, но не доставали до камней, на которых Малка устроилась.

Но камни все равно были влажные. И кругом – влажно и дымчато. Купальники и полотенца здесь не сохли, камера мобильного запотевала, и пахло всегда, как в деревне Малкиной бабушки после сильной грозы: густой зеленью и мокрой землей. До экватора – всего ничего, до России лететь десять часов, а закроешь глаза, вдохнешь – и будто Подмосковье. Но это Шри-Ланка.

– Естэрдей... Ол май траблс симс со фаравей...

Это пел Малкин папа: значит, ужин уже начался. Папа в этом отеле работал и отвечал за анимацию... Точнее, пел каждый вечер под гитару известные всем песни. Произношение у него было, на Малкин взгляд, ужасное – их англичанка за такое бы просто убила, но местным – нормально, они сами еще страннее говорили. Малка машинально шевелила губами, пропевая знакомый текст, но с места не трогалась. Скорее работники отеля будут ее искать, чем папа: ему еще часа два программу петь, и вообще у них друг с другом – полная свобода.

Солнце уже почти утонуло, и теперь голубой экранчик Малкиного мобильного светился в сумерках ярче него. Тут, на Шри-Ланке, был удивительно хороший интернет. Даже дома, в Москве, так быстро все не грузилось.

Малка стукнула пальцем по экранчику. Пять минут назад сообщений не было, но сейчас у нее вдруг появилась уверенность, что написала Алка. Или Милана. Ну или вообще кто-нибудь из пловцовской компании. Раньше они с девчонками каждый день не то что списывались, а еще и перезванивались. И всюду вместе: на сборы, соревнования, в спортивные лагеря... А Малка была, между прочим, главной во всей компании. Ну, может, не совсем главной, а наравне с лучшей подружкой Алкой. Их так и звали: «Алка-Малка».

Никто не написал. Хотя в сети Алка была только что, но Малкино сообщение: «Прикинь, тут такая сырость, как в нашем Болотном царстве в лагере» – висело уже два дня непрочитанным. А на предыдущие сообщения были ответы только «Хорошо», «Ок», «Прикольно» и куча скобок-смайликов. Может, у нее и правда времени нет? Соревнования?

Малка промотала переписку ближе к началу, и у нее почему-то больно закололо в носу.

«Раньше, без интернета, жилось легче, – с важным видом произнес Старинный Волшебник в Малкиной голове. – Что-то забудешь, в чем-то себя убедишь, что так сразу и было. А теперь вся история дружбы в несколько страниц помещается. Вначале переписки по три часа, тайны, «свои» шутки, сплетни и серьезные признания, а потом вот это... Приветкакдела, окей – и миллион смайлов. И вроде бы ничего не мешает, как раньше, поделиться всем, что на душе, но начнешь печатать – и стираешь».

Старинный Волшебник был Малкиным тайным придуманным другом. Он появился после того как они еще в первом классе ходили музей. В огромном зале было одновременно холодно и душно, одноклассники потихоньку бесились, шептались и хихикали. У Малки совсем устали ноги, и она мечтала добраться до банкетки в центре зала, но глянула на почерневший небольшой портрет и так и застыла у стены. Картина называлась как-то очень просто – кажется, «Портрет вельможи», и нарисовал ее неизвестный художник 17 века.

Малка подошла поближе и почти ткнулась носом в блестящую краску. С полотна смотрел ласково-веселыми глазами совсем молодой человек с рыжими бровями и веснушками на широком носу. Хотя он стоял, торжественно возложив руку на голову какого-то мраморного льва, было видно, что и эта степенная поза, и пухлый парик, и тесный камзол с воротником до ушей его самого веселят, и улыбался он так, словно изо всех сил сдерживал смех... Малке даже жарко сделалось – так захотелось, чтоб он был настоящим и подружился с ней.

Экскурсовод устало и раздраженно позвала: «Прекратите шуметь и пойдёмте все в другой зал!» – и одноклассники затопали мимо. Малка боялась потеряться в музее, если задержится, но и с портретом не было сил расстаться. Кажется, и он смотрел печально и с какой-то надеждой... И Малка быстро придумала: это на самом деле не вельможа, а Старинный Волшебник, который был заперт в картине, а она, Малка, его освободила. И теперь он, невидимый, всегда будет с ней...

С тех пор тайный друг поселился в Малкином воображении, и они каждый вечер, перед сном, подолгу разговаривали. Выражался Волшебник всегда очень складно и умно, сама Малка не умела так говорить вслух даже сейчас, в свои тринадцать, даже почти четырнадцать лет.

Еще она придумала волшебнику дом, поскольку на картине он стоял просто в каком-то неразборчивом темном саду. Теперь, закрыв глаза и сосредоточившись, Малка видела его маленькую деревянную комнатку с железной печкой в углу, глиняными фигурками странных зверей на столике и лампой в форме колокольчика, которая покачивалась на стене. А Старинный Волшебник сидел нога на ногу в потертом кресле. Одет он был почему-то всегда в коричневый махровый халат, из-под которого выглядывали высокие черные сапоги. Прическа у него осталась от того самого портрета – седого цвета завитой парик с косичкой, и лицо то самое: бледное, все в слабых веснушках, с рыжеватыми бровями и весело прищуренными глазами. Волшебник вообще любил посмеяться и пошутить, но если надо, мог и поддержать. Когда Малкины родители развелись (она только перешла во второй класс), он ей очень помогал. А в этом году, после всего, что случилось, не помог... Только изрекал «умные» фразочки. А может, сама Малка стала уже слишком взрослая для таких игр...

«Взрослость твоя тут ни при чем. Тоже мне громадина. Просто изречениями не во всякой беде поможешь. И вообще словами», – конечно же, снова изрек Волшебник. Малка сердито вдохнула влажный воздух, подняла голову и глянула на Индийский океан. Видно его было уже совсем плохо, он громко шипел и сливался с сумеречным небом, только белая пена иногда мелькала у ног. И еще на недалеком острове зажегся и принялся вращаться маяк: его узкий луч равномерно шарил по воде...

– Miss, is all ok?

– Yes, – пробормотала Малка, не глядя на отельного работника, тем более, что из-за темного лица его особо и не было видно: только белую рубашку и длинную юбку-саронг. Они все тут такие заботливые, что даже странно.

Малка слезла с камня на влажный песок, переступила, разминая ноги, и пошла к светящемуся в темноте отелю.

Папе, поскольку он тут, в отеле, работал, выдали для жизни довольно большой номер с двумя кроватями и диванчиком, на котором Малка и спала, потому что он ей больше нравился. Жалко только, номер был на первом этаже: то муравьи налезут огромные и рыжие, чуть ли не с палец длиной, то бурундук забежит и начнет рыться в вещах, то вообще крыса зайдет

(два часа вместе с уборщиком Тушаром ловили)... А один раз Малка проснулась и увидела, что над ней, прямо на стене, висит большая зеленая ящерица. Малка написала об этом Алке, Милане и маме. Алка ответила «Прикольно!!!», Милана прислала смеющийся смайлик, а мама спросила, плавала ли дочь сегодня. Малка соврала, что да. Пускай мама, в конце концов, хоть издалека опять ей гордится, а то что за ребенок: ОГЭ, считай, провалила, плаванье бросила, из дома сбежала...

Хлопая незастегнутыми босоножками, Малка вбрела на открытую террасу, где на диванах сидело человек пять постояльцев отеля (в апреле, говорят, не сезон), а возле лестницы вяло мигала переносная цветомузыка и медленно бил по гитаре папа, изображая вполголоса “Can you feel the love tonight”. Лоб у него блестел от пота и влажности, загорелое худое лицо уныло морщилось, будто он ел что-то невкусное, темные редкие волосы, завязанные в слабый хвостик, прилипли к голове, а голубая рубашка – к спине. При виде дочери он слегка кивнул и закатил глаза под брови: мол, какой халтурой приходится заниматься. Малка в ответ махнула ладонью: мол, понимаю, и тоже плюхнулась на диван. Напротив нее сидела русская семья. Красный от загара мужчина в расстегнутой рубашке тянул какой-то алкоголь из бара, а худая женщина с жутко-фиолетовыми губами и локонами, таким огромными, будто она их накручивала на водосточную трубу, возилась с мелкой дочкой, кажется, нарочно громко повторяя ее имя:

– Амалия, иди сюда, я поправлю носочки. Амалия, хочешь кокосик? Будешь? Смотри, как дядя поет хорошо, да? Амалия, сядь как следует...

Малка немного потерпела это и в конце концов отсела на другой диван. Дело-то в том, что ее тоже звали Амалия. «Имя необычное, как у всех», – шутил Старинный Волшебник. Действительно, ни в школе, ни в команде по плаванью она особо не выделялась: давно уже пошла мода на необычные и старинные имена. У них в классе были Милана, Виленка, Потап, Ия и даже один Остромир (вот бедняга-то!). Малку Амалией назвала мама, которая в детстве настрадалась от того, что в классе было, кроме нее, еще три Наташи. Только вот она забыла, что имя должно как-то сочетаться с фамилией, и в результате получилось дурацкое Амалия Сидоркина... В общем, Малка полным именем не представлялась почти никогда.

Папа сильнее забренчал по гитаре, передвинул ногой цветомузыку и перешел на русскую песню «Белые розы». Людей на террасе стало еще меньше, все куда-то расползлись, и даже сквозь музыку прорывалось шипение океана. Малка рассматривала большую коричнево-желтую, немного размазанную от сырости мандалу на стене и уговаривала себя не лезть в телефон – все равно ведь никто не написал... И тут он зазвонил!

Малка вскочила и быстро отошла за колонну, но это оказалась мама.

– Ну что, доченька, как дела? – поинтересовалась она бодро. – Как самочувствие?

– Дела хорошо, самочувствие тоже... – Малка старалась говорить «нормальным» голосом, а то начнутся расспросы...

– Очень хорошо! Я тебе тут купила потрясающий фирменный купальник и толстовку. И босоножки еще, тоже фирма очень хорошая, это у них скидки были. Вернешься – посмотришь.

– Угу.

– Плаваешь?

– Пробую... – Малка опасалась сильно врать.

– Ну ты что, что «пробую», уже сколько пробуешь, надо же себя перебарывать! – огорчилась мама.

– Я пыталась, но...

– Ну, я тебя не узнаю! Где мой решительный ребенок? Пускай прогонит эту клеكلую девицу переходного возраста с ее дурацкими фобиями! – шутивно потребовала мама и сама себе засмеялась. – Слушай, дочь, серьезно, ну ты же здорова абсолютно! И депрессии у тебя нет: ты же слышала, психолог же сказал. Просто давай переставай себя жалеть и накручивать,

и все будет нормально. Я тебя специально одну отпустила, хотя сердце не на месте, чтобы на тебя не давить, чтобы ты там одна расслабилась, поплавала... Ты сегодня плавала?

– Да, – тут Малка почти не соврала, она немного постояла по колено в воде, пока был отлив.

– Долго?

– Ну... не очень.

– А почему?

– Ой, меня тут вроде папа зовет. Я пошла, ага?

– Ну давай, доченька, веселее, – попрощалась мама и дала отбой. Малка медленно закинула телефон в карман шорт. На самом деле ей не хотелось прощаться, но и говорить дальше было невозможно. Почти как с Алкой, только здесь она сама автор «океев», «прикольно» и кучи смайликов...

2. Богиня Океана

Еще в начале этого учебного года никто и не подозревал, чего Малка вытворит. Какое там ОГЭ провалить – она и за контрольные-то двоек никогда не получала! Не то чтобы училась прямо супер, но всегда умела себя, если надо, заставить потрудиться. В детстве к дисциплине мама приучала, потом – тренера по плаванию. Понятное же дело, на соревнованиях без этого никуда: попробуй-ка себя пожалеть во время заплыва кролем на пятьсот метров! Так и утонешь посреди бассейна!

Но с восьми до тринадцати лет все получалось хорошо. И на соревнованиях Малка места брала – несколько медалей и грамот дома висят, – и по школе все успевала, и даже (сейчас это совсем странно вспоминать) всю свою команду по плаванию подбадривала! У Малки характер всегда был, что называется, ровный: где другие девчонки страдали или злились, она старалась рассуждать разумно, а если не получалось, разговаривала мысленно со Старинным Волшебником, давала сама себе от его лица мудрые советы и успокаивалась. Алка, когда проигрывала, каждый раз звонила ей и ревела: «Ну на фиг это плаванье, больше не пойду никуда! Прямо сейчас тренеру позвоню!» Малка отзывалась снисходительно: «Это ты просто сейчас расстроилась. Представь, что будет, если ты сначала Леночке нашей ляпнешь, что уходишь, а потом передумаешь? Лучше со мной поболтай». Алка еще несколько раз кричала, что плаванье все равно бросит, а потом действительно остывала...

Милана от проигрышей не рыдала, но просто любила все за Малкой повторять: слова, жесты, прическу (хотя она низенькая и с прямыми темными волосами, а Малка высокая, светлая и кудрявая) и даже одежду. Сама Малка это заметила позже всех, только когда Милана пришла в купальнике ровно такого же цвета и такой же шапочке. Девчонки начали было зубоскалить про повторяшку-дядю-хрюшу, но Малка им сказала, чтобы прекратили: если хочется, пусть повторяет, зачем издеваться. Ее тогда послушались, потому что все в то время старались ей понравиться. Рыжая зубастая Катюшка, например, печеньками и жвачкой угощала, Ия хвалила, как Малка классно плавает...

А Остромир Радулов (бедняга он все-таки со своим именем) то видео смешные слал, то по химии на лабораторках помогал реактивы наливать. Не то что он Малке особо нравился, но приятно было. До того, чтобы в кого-то по-настоящему влюбиться, она, наверное, еще не доросла (хотя подруги всю трепались «о мальчишках»), ну и некогда было: то школа, то плаванье... Только если... ну... Старинный Волшебник, но он же ненастоящий.

А потом вдруг появилось предчувствие. Они у Малки бывали двух видов: приятные и неприятные, но неприятные чаще – как у всех, наверное. И почти всегда сбывались. Висит где-то над головой в воздухе такой темный сгусток, а потом – бах – и что-то происходит. Или тройку влепят, или соревнование продуешь, или телефон потеряешь... Но как-то оно случалось – и проходило.

А тут, в девятом классе, началось. Малка осенью резко выросла, похудела, дурацкие предчувствия стали возникать на каждом шагу, пока не слиплись в одно большое ожидание чего-то НАСТОЛЬКО плохого, что и сказать было нельзя. По крайней мере, перед разводом родителей она и половину подобной жути не ощущала (тем более, папа и раньше не очень с ними общался, все ездил куда-то выступать). И самое главное, Малка никак не могла уловить, откуда исходит угроза.

И не улавливала – до очередного заплыва баттерфляем на сто метров, в котором она, между прочим, могла и победить, а там было бы недалеко до всероссийских соревнований... Малка помнила, как подошла к бортику бассейна, привычно посмотрела на подруг, на колыхающуюся зеленую поверхность, и что-то внутри нее сложилось, как пазл, в четкие буквы: «НЕ ЗАХОДИ В ВОДУ».

Сначала она, как привыкла, попыталась пересилить себя, но у нее просто начали трястись и руки, и ноги, а с места тронуться не удалось. Малка стояла и тупо рассматривала рубчатый, чтоб не скользил, бортик, с какими-то черными точками на грязно-белом фоне. Звуки все заглохли, только в одном ухе жутко зудело. Девчонки уже нырнули и баламутили бассейн, зрители соревнований – тренера и родители – удивленно пялились на тощую, долговязую, трясущуюся девчонку. Тренерша с нежным прозвищем Леночка, широкоплечая, с белым «ежиком» волос и будто вытесанным из камня лицом, глядела на ученицу страшным взглядом и делала обеими руками движение, будто она выжимает тряпку (под которой, скорее всего, имелась в виду Малка). Но жуткий запрет победил. Малка просто развернулась и на деревянных ногах пошла из бассейна в раздевалку.

Ну, потом ее всю, конечно, исследовали. Врачи говорили про пубертат, гормональную перестройку, легкий неврозик и перенапряжение. Она сдавала анализы, которые оказались нормальными, пила таблетки, которые не помогали, а еще занималась с психологом. Та после встречи тоже повторила про неврозик и пубертат, сказала, что у Малки точно нет панических атак и депрессии, которых почему-то очень боялась мама, и предложила работать с фобией, то есть приучать себя снова спокойно заходить в воду. Фантастически серьезная психологиня часами показывала покорной Малке фотки речек, бассейнов и морей, а Малка смотрела на них и понимала: фотки – это чепуха, но в настоящую воду она не войдет. Что-то в ней разладилось, как будто она разделилась на несколько частей, и одна из них насмерть заупрямилась. На нее не действовали ни уговоры, ни преодоление, ни ожидающие глаза мамы, ни громогласные вопли Леночки. Все вокруг даже не допускали мысли, что это может не пройти, а сама Малка заморозилась в ужасе: она не могла плавать, но и не плавать было нельзя. И никакой оправдательной болезни тоже не было! Малка просто как будто разучилась нормально жить.

Леночка, конечно, не собиралась ждать, пока подопечная «вылечится», или «искать подход». Она сама отличалась отменным здоровьем и вообще никогда не болела. Даже Милане как-то не поверила, что у той голова болит – думала, притворяется...

И все-таки мама пошла к Леночке вместе с дочерью. Малка стояла молча за ее спиной, опустив голову и плечи, чтобы казаться не выше родительницы, а мама упрасивала:

– Елена Борисовна, ну вы оставьте нас в команде, хорошо? Ну переходный возраст у ребенка, это же временно...

– Вот про это не надо! У меня тут у всех переходный возраст! – рывкнула Леночка. – Но работают! И я в свое время работала!

– Но если ребенок заболел...

– Чем заболел? Где диагноз? Диагноза я что-то вашего не вижу уже два месяца, одни разговоры!

– Но бывают случаи, когда точного диагноза не поставишь, поэтому...

– Да что вы от меня хотите? Ходите просите сами не знаете чего! Заболела – пусть лечится. Вылечится – пусть тогда и приходит, – Леночка пожала широкими прямыми плечами, скользнула по Малке глазами, как по пустому месту, и отвернулась от мамы, чтобы привычно гаркнуть на кого-то из девчонок в бассейне.

А девчонки сначала сочувствовали. Звонили каждый день, в сети открытки и сердечки всякие слали, обещали сделать целый праздник «когда выздоровеешь». Потом как-то незаметно исчезли. Хотя Алка и Милана вроде бы остались, писали и звонили, но... У них дальше шли соревнования, они уехали в Сочи, а Малка валялась дома в сонном таблеточном отупении. Теперь и Милане за ней повторять было как-то странно, и Аллу она не смогла бы успокоить. Старинный Волшебник тоже ничем не помогал, только растерянно улыбался...

Малка даже не заметила, что приближается ОГЭ. Этот грозный экзамен, которым их пугали чуть ли не с первого класса, стал для нее неважным. Смотрела она на суету учителей и нервы одноклассников откуда-то издалека, будто бы из космоса. Какие тут экзамены,

уроки, оценки, когда вся жизнь разваливается? В школу она иногда ходила, иногда нет, уроки не делала – просто не могла себя заставить, и в триместре у нее вышло пять двоек. И когда классная сказала, что Малку с такими оценками и прогулами к ОГЭ не допустят, Малка ушла из дома просто куда глаза глядят: очень уж невыносимо было представлять мамину реакцию.

Сутки она каталась на метро и дремала на лавочках в парках и скверах по всей Москве. Телефон выключила. Потом пошел дождь, похолодало, и ее нашли: подошел очень молодой и мелкий, чуть ли не ниже нее, полицейский с симпатичной беспородной собакой и устало сказал: «Ну что, набегалась?». Собака виляла ей лохматым, как веник, хвостом, и потом, в холодной и пропахшей сигаретами полицейской машине, сидела рядом...

Разговор с мамой был, конечно, ужасным. Та самая психолог, которая пыталась лечить Малку фотками морей, сказала, что в таком состоянии девочка нагнать пропущенное вряд ли способна. Мама все же попыталась отправить ее к репетитору, но она на одно занятие сходила, а потом прогуляла – слишком стыдно было почти ничего не понимать. Психолог сказала: «Ну вот, видите»... В общем, учителя и мама опустили руки, и Малку отправили «приходить в себя» на Шри-Ланку, где уже пару лет работал по разным отелям папа. А ОГЭ она должна будет сдавать осенью, с остальными больными и двоечниками.

* * * * *

– Пик-пик-пик-пик-пик!

Снова бурундуки.

– Фиуу-уить! Фиуу-уить!

А это надрывались местные птицы, похожие на растолстевших в три раза воробьев. Они обычно прилетали на обед к столикам, и Малка кидала им булочки: пусть дальше толстеют.

Сквозь стенки номера было отлично слышно звяканье посуды из столовой, пахло подгоревшими блинами и чем-то здешним, с карри. Зевал и шаркал резиновыми шлепками по каменному полу проснувшийся папа.

Малка тоже зевнула и приоткрыла глаза. Ее диванчик упирался боком в стеклянную стену балкона. Как всегда по утрам, стекло полностью запотело, большие капли ползли по светлой мути, и в дорожках от них было видно голубое небо, зелень и синий океан. Ну, как обычно, солнечно. Вставать Малке не особо хотелось, завтракать тоже, но все-таки она поднялась и, ежась от холодного каменного пола под босыми ногами, присела перед чемоданом, где комком валялась ее одежда. Маму бы удар хватил, если бы она увидела, как дочь хранит ее «фирменные вещи», но Малке и на фирмы, и на саму одежду было всегда плевать: ее бы воля, она бы всегда ходила в одной кофте и джинсах. Хотя благодаря маме Малка весь этот ужасный год выглядела как модель из журнала для девочек. Месяц назад «для настроения» мама сама покрасила дочери несколько прядей волос в синий и розовый цвета и радовалась, как ярко и неформально у нее вышло. Теперь розовый смылся, а скрученная пружиной от влажности, цвета бледной зелени прядь висела как раз у Малкиного носа... Она схватила с верха одежной кучи вчерашние шорты и футболку, натянула их поверх купальника, в котором спала, и встала делать утреннюю разминку – привыкла к ней с первого класса.

Шаркая шлепками, из ванной с полотенцем на шее вышел папа.

– Угу, проснулась, – пробормотал он, отводя глаза – они с Малкой почему-то никогда прямо друг на друга прямо не глядели. – Ты, это... чего кушать не идешь?

– Пап, я разберусь, когда поесть, – пропыхтела Малка из наклона. Папа не обиделся, с ним можно было так разговаривать, а все его воспитание обычно и ограничивалось вопросом про кушать, так что он перескочил на свои темы:

– Свалю я из этой деревеньки к чертовой матери! В Коломбо надо было устраиваться или в Унаватуне хотя бы! Видала вчера публику, перед кем приходится кривляться? Вот кому

сдалось мое высшее музыкальное, если сейчас им подавай только дебильное тынц-тынц и два аккорда? Уже играю полную попсу, а никто два раза похлопать не удосужился! А мне, с моим звукорежиссерским и исполнительским опытом, терпеть этот репертуар, это некачественное оборудование... Гитара уже вся от сырости едет! – он сбросил полотенце с шеи и раздраженно провел ладонью по струнам лежащей на кресле классической гитары (электрическая и синтезатор хранились в пластиковых чехлах из-за вездесущей влажности).

– Может, тогда в Россию вернешься? – вставила Малка просто так, потому что знала, что он ответит.

– В Россию?! – закричал папа плачущим голосом. – А в этой твоей России я что забыл?! Кругом все куплено, не пробиться, в ресторане алкашам играть! Нет, у нас талантом заработать нельзя, можно только нищенствовать, – продолжал он, с силой постукивая пальцами по верху гитары. – К продюсеру придешь – ему, блин, песни неформат, на радио песню принесешь – давай денег за ротацию, и после этого ты мне... – папа вдруг застыл посреди речи, защелкал пальцами и глянул на дочь уже другим, невидящим, но веселым взглядом. – О! О! Ритм поймал! Шас все сделаем, шас попробуем... Где у нас мобильник? Шас мы хоть на диктофон...

Малка кинула ему его же телефон с треснутым экраном и плюхнулась обратно на диван.

Папа сел на пол, скрестив ноги, и начал быстро перебирать струны гитары, иногда повторяя музыкальные фразы и записывая их в мобильник. Глаза у него смотрели не только сквозь Малку, но и будто сквозь весь мир вообще, спина выпрямилась, и коричневое от загара, худое и морщинистое лицо стало немного похожим на лица статуй Будды, которые стояли в застекленных алтарях по всему городу. Малке он в такие моменты нравился, жалко, что говорить с ним не получалось: он только угукал, не слыша...

Окно уже совсем отпотело, и Малка увидела сквозь него, как отельные работники, не особо спеша, вкапывают под пальмой штуку из бревен вроде больших козел, связанных толстыми веревками. Другой работник, навязав эти же толстые веревки на соседнюю пальму, вешал на верхушку длиннущее зеленое полотно с какой-то надписью на здешних двух языках. В первом буквы выглядели как яблоки с бантиками – значит, это сингальский. А во втором, тамилском, они больше были похожи на разной формы стулья и кресла.

– Что это они вешают? – спросила Малка лениво. – А, пап?

Папа вздрогнул – наверное, неожиданно вспомнил, что он тут живет не один – и первым делом спросил:

– А что, ты кушать не пошла, что ли?

– Нет. А что они там делают?

– Да украшают, Новый год ихний завтра, – объяснил папа, откладывая гитару и вставая. – Сейчас народ понаедет, местный и из Индии. Будем с Кемалом вдвоем выступать: я с гитарой, он – с барабанами... Программу еще отработать надо.

– У них Новый год в апреле?

– Ну да, несколько дней идет, народ алкоголь лакает и жрет в три горла, прямо все как в твоей любимой России. Только число у них неточное, все время сдвигается. В этом году, значит, 14 апреля... – папа достал мобильник и покрутил календарь. – О! У тебя завтра день рождения, что ли? Мне напоминалка пришла, – он зачем-то показал экранчик Малке, будто она не знала, когда родилась. – Ну ты чего, это... праздновать будешь? Пятнадцать лет...

– Четырнадцать.

– А, точно. Прикинь, никогда не помню возраст. Вот с детства так, вообще. Я, когда спросят, сколько мне, от года рождения считаю, потому что... Ну ты, может, закажешь себе что-нибудь там? Ну... Платье, я не знаю... камни тут дешевые... Давай у местных манго попросим, может, привезут.

– Да давай манго, – согласилась Малка быстро – ей было неудобно смотреть, как он пытается поспешно придумать подарок. Папа облегченно выдохнул и потеревил себя за ворот белой рубашки.

– Ну, окей, заметано. Все, шас программу будем репетировать, к Кемалу пойду. А ты иди там... искупайся, покушай...

День прошел как-то незаметно. Малка ничего не делала, никому не писала (и ей никто), в океан зашла по коленку и постояла немного в теплой, как из-под крана, воде. Океан, хоть сейчас был и отлив, все равно оживленно шипел и пытался втянуть ее в себя. От моря ощущение совсем не такое. В море даже сильные волны тебя не особенно тащат, а тут, кажется, и вовсе волн нет, а потом вода приходит и облизывает половину пляжа... В Сочи Малка с девчонками далеко плавали, да и здесь ее, конечно, просто так не утатило бы. Может, войти и поплыть, как обычно? И все, и никаких больше проблем: мама обрадуется, девчонки тоже, в плаванье вернется, а с ОГЭ разберется как-нибудь, не привыкать! И все будет, как раньше! Ну, два шага в глубину можно сделать?

Нет, нельзя.

Опять ноги затряслись, в животе стало так холодно, что даже затошнило, и Малка, скорчившись, отступила на берег.

– Да что же такое! – крикнула она, отдышавшись, и изо всех сил пнула зеленый остроконечный плод местного дерева. Тот просвистел над головами какой-то удивленной арабской семьи, греющейся на солнышке, и ударился о забор отеля. Из-за него тут же выглянул заботливый работник в белой рубашке с неизменным вопросом «Is all ok, miss?». Малка, не ответив, отвернулась и пошла вдоль воды...

За ужином в ресторане было и правда больше народу, чем обычно. И местные, с их темными, будто бронзовыми, лицами и горбатыми носами (женщины – в бирюзовых, розовых или желтых сари, а мужчины – в полосатых длинных юбках-саронгах) и индусы: кожа у них посветлее, одежда обычная, по сторонам оглядываются с интересом. Ну и еще приехала пара немцев и англичан. Малка взяла свою любимую глазунью с сыром и еще всего понемножку, потому что не догадаешься, сколько и куда местный повар всыпал жуткого перца, а папа ел рис с карри, как ланкиец. Как всегда, не глядя на дочь, он рассказывал:

– Сегодня играть не буду, некому слушать. С нового заезда вся публика на взводе: они вначале в пробке, потом еще у храма полчаса стояли, пока водитель приношения дорожному богу делал. Вот дикость, а?

– Не знаю... – Малка вспомнила, как они ехали от аэропорта – узкие дороги, почти нет светофоров, машины и мопеды лезут друг на друга, среди них толкуются велосипедисты и прохожие, – и подумала, что дорожный бог, может, и пригождается ланкийцам. – Слушай, а у океана тут есть бог или богиня? – спросила она неожиданно для себя.

– Без понятия, – отозвался папа и согнал муху с клеклого от влажности куска торта. – Ну ты давай, кушай, а мне репетировать.

После ужина Малка снова пошла на камни, но опоздала – солнце уже успело зайти, и душные, как теплая подушка, сизые сумерки сменились полной темнотой. Океан теперь угадывался только по шипению и дальнему грохоту волн о риф, который, немного выступая из воды, тянулся перед соседним пляжем слева. Маяк шарил лучом, иногда высвечивая комки пены.

Позади, на территории отеля, зажглись огни. Малка полазила в интернете, посмотрела видюшки, но быстро отложила мобильник. Как-то ее виртуал никогда не затягивал, а сообщение от девчонок опять не было...

На черном, как дверца духовки, небе появилось несколько звездочек, а потом из-за незаметного облака показался и месяц. Только он не был похож на букву «с», как в России, а лежал «на спине», словно знак на мусульманской мечети. Малка даже привстала. Вот это да! Значит, так по-настоящему бывает? Интересно, почему никто об этом не рассказывал – ни папа,

ни Алка, которая три раза на Шри-Ланке подолгу была, никто? Не замечали, что ли? Но как можно было вообще не заметить луну?!

«Люди многого не замечают, – поправляя рукава халата, посетовал Старинный Волшебник. – Ты видела, какие они привозят скучнейшие фотки из самых интересных мест? Что пустыня, что джунгли, что Антарктида – лицо на весь экран или рюмка в руке, как у папаши твоей тезки, Амалии».

– А ты мне своими дурацкими изречениями про то, какие вокруг плохие, вообще ни к чему! – отозвалась Малка сердито. – Этого я и от папы наслушаюсь. Лучше бы помог, как раньше. Я в воду войти не могу...

Волшебник качнул париком – глаза его стали серьезными:

– Нет, извини, Малка. Не я же это тебе запретил...

– А кто?

– Ну, если можно так сказать... Богиня Океана.

Малка, хоть и понимала, что сама это на ходу выдумывает, даже опешила:

– В смысле?! Богиня Индийского океана запретила мне плавать в бассейне?!

– Не Индийского, а Океана вообще, – хмыкнул Волшебник. – Считаю, любой воды, даже хлорированной. Ты же проходила круговорот воды в природе? Очень может быть, что в твоём бассейне как раз есть часть Индийского Океана...

– А почему она запретила?!

– Это надо у нее спрашивать.

– Тогда дай я спрошу. Ты же Волшебник, познакомь нас!

– Волшебником ты меня сама назвала, не знаю с чего, – он недовольно запахнул свой махровый халат. – Ладно, подойди к ней поближе.

Малка поняла, что под «ней» он имел в виду океан, сползла с камня и шагнула к прибою. Теплая вода тихонько накатила на ноги... Тут ее игра-придумка застопорилась. За Волшебника-то говорить она умела, а за Богиню Океана – нет. Да и как та может выглядеть...

Всматриваясь то в лежащий на спине месяц, то в лучи маяка, а больше – внутрь себя, Малка наконец ее придумала. Богиня Океана была огромная, неожиданно хмурая и широкая женщина в сером платье, с забранными в пучок седоватыми волосами. Она, как гигантская статуя, по грудь высывалась из воды где-то в километре от берега и смотрела на Малку из-под густых бровей, морща лоб. Губы у нее были так неприветливо сложены, а по бокам от них лежали такие складки, будто она полжизни проработала завучем.

То ли увидев, то ли представив такое, Малка растерялась: это тебе не Волшебник. А он, к счастью, не ушел, а подсказал:

– Ну ты спроси, чего хотела-то! Или дай я сам спрошу. Уважаемая Богиня Океана! Почему вы запретили Малке плавать? Какая же вам, Богиня, выгода, чтобы девочка завалила учебу, подруг потеряла?

Богиня морщила лоб и молчала. Опять надо было угадывать. Малка почесала спутанные кудряшки, посмотрела на месяц, на луч маяка, стерла с руки брызги...

«Мне есть выгода. И ей тоже», – торжественно сообщила Богиня.

– Что, это на всю жизнь так останется? – спросила Малка.

«Нет».

– А когда прекратится?

«Само ничего не прекращается».

Конечно, богине по правилам полагалось говорить загадками, но Малке не хотелось их ни слышать, ни придумывать. У нее возникла другая мысль.

– Я могу вас попросить сделать подарок? – спросила она вполголоса, глядя прямо в соленую дышащую черноту. – У меня завтра день рожденья, а у вашего острова Новый год. Повод же?

Чернота дрогнула.

«Ну?» – отозвалась Богиня Океана недовольно.

– Можно я хотя бы завтра поживу как нормальный человек? Без этой фобии, без предчувствий и без страхов? Знаете, за год очень надоело всего бояться! А мне будет 14, 14 числа. Я уже не ребенок! Если я в воду зайду, то маму обрадую, Алку, Леночку-тренершу, хоть она вечно и визжит на нас, как бурундук... Ну и папа тоже рад будет. Что ему тут других дел нет, как со мной возиться? Ему музыкой заниматься надо. И что я сама тут торчу? Влажно, жарко, все одно и то же... Я хочу в Москву! А в Москве разберусь!

«В Москву хочет, ишь ты, – Богиня подняла толстые брови, морщин на ее лбу стало в два раза больше. – Ты не знаешь, а отказываешься. Не только твоя прошлая жизнь – настоящая».

«Какой классный каламбур!» – оживился Волшебник, но Малка прервала их обоих:

– Подождите. Так я смогу зайти в воду?

Богиня тяжело вздохнула. Теперь вид у нее стал не сердитый, а устало-тревожный.

«Ну... – сказала она неохотно. – Ладно. Только не плавай в темноте и не заплывай за риф», – добавила она почти маминым тоном.

Чего?! Малка же не самоубийца. До рифа метров триста, а за ним – огромные волнищи! И раньше бы не поплыла, не то что сейчас – после такого-то перерыва.

«Не зарекайся. Просто говорю: если заплывешь, одна я тебе не помогу».

Малка передернулась и взяла себя за локти. И куда опять ее воображение понесло? Вечно так бывает: придуманные герои не слушаются создателя и начинают творить что-то свое. Только что была просто забавная сказка, чтобы отвлечься от грустных мыслей, и вдруг Богиня заговорила уж очень по-настоящему и очень зловеще. Но в то же время Малка никак не могла представить, с чего ей взбредет в голову плыть в темноте за риф, если она, конечно, будет в своем уме...

– Только я завтра хочу быть нормальной, в сознании, – предупредила она на всякий случай.

«Будешь нормальной, – прошипело над океаном. Огромная фигура Богини начала выцветать и растворяться, сливаясь с почти невидимой рябью. – Спи. И жди свой подарок. А я буду ждать свой».

3. Утро. Нана

Утром Малку в виде исключения разбудил не визг бурундуков, а грохот салюта. Где-то совсем неподалеку на территории отеля запускали ракеты, и балконное стекло отзывалось низким вибрирующим звуком. Местный Новый год начался, а с ним и день рождения... Малка села в постели, откинула простыню и внимательно осмотрела свои худые загорелые ноги, а потом – шелушащиеся от загара руки, пытаясь почувствовать себя четырнадцатилетней и уловить ощущение взрослости. Но чувствовала она себя, наоборот, как-то легче и младше, чем в последнее время.

Поздравительных сообщений никто не прислал, мама почему-то не звонила, а папа спал, натянув простыню на голову. Малка сначала удивилась, а потом посмотрела на время и увидела полвосьмого утра. Тут же смутно, как сон, вспомнился вчерашний «разговор» с Богиней Океана, которая разрешила ей сегодня войти в воду... Чепуха, конечно, выдумки для самоуспокоения, как говорит мама, но ведь можно и попробовать...

Непривычно-радостное настроение все еще держалось, и к нему прибавилась уверенность, что сегодня, четырнадцатого числа, в двойной праздник, когда ей исполнилось 14, а на Шри-Ланке сменился год, будет действительно необычный день. Малка тихонько оделась, выкопав из комка вещей очередное «фирменное» платье, прямое и короткое, с синим верхом и светло-зеленой юбкой, нахлобучила плетенную из травы шляпу, которая была немного великовата, схватила сумку с масками и полотенцами и вышла из номера.

На территории отеля, несмотря на ранний час, было очень оживленно. На аккуратно подстриженной траве появились домики-беседки, в которых виднелись баночки и котелки с какой-то едой; у низенького забора, отделяющего территорию от океана, толпа работников отеля с громким хохотом взрывала очередную петарду; активная ланкийка в фиолетовом сари, с белым цветком в распущенных волосах (эти цветы росли на деревьях вдоль отеля и падали после каждого ночного дождя), возилась с микрофоном и запакованными в пленку от соли огромными колонками, проверяя звук. Несколько больших семей, ланкийских и индийских, сидели за столиками под пальмами и оживленно галдели, а под их ногами проносились всполошенные, ничего не понимающие бурундуки.

Малка попыталась побыстрее проскочить все это оживление, но у самого забора ее поймали две улыбающиеся девушки-ланкийки, одна в ярко-желтом, как лимон, вторая – в розовом сари; густые волосы их были переплетены разноцветными лентами и подняты наверх, как у кукол. Улыбаясь белыми зубами с коричневых лиц, они по-английски спросили, не хочет ли мисс поучаствовать в празднике.

– Спасибо, – серьезно сказала Малка, – но мне надо идти купаться. – И она вышла за заборчик, на узкую тропку, идущую по невысокому обрыву над океаном.

Океан сегодня был таким же оживленным, как люди: он сбросил с себя муть и сделался чисто-голубого цвета. На рифе кипела пена, и волны шипели немного громче обычного. Малка хотела было повернуть на правый пляж, тот, где всегда сидела на камнях, но неожиданно попала в текущий по тропе поток радостных местных жителей и волей-неволей потянулась за ними налево. В той стороне она раньше никогда не бывала, но рассудила, что такое количество народа с полотенцами и масками для ныряния не может идти в никуда.

И действительно: тропка провела ее мимо парочки отелей, прошла по краю рощи местных деревьев с круглыми и мясистыми темно-зелеными листьями и вывела на небольшой пляж с белым песком и совершенно тихой, как бассейн, заводью. Ее отсекал от океана длинный риф: за ним вздымалась пена, но, поскольку был отлив, волны не перекатывались через камни.

Заводь-бассейн была довольно мелкой, но местные жители все равно сидели в ней у самого берега. Купались они прямо в одежде: несколько девушек устроились на мели у входа на

пляж, собравшись в кружочек, и болтали, а по воде плыли их разноцветные шарфы. Радостно визжали коричневые, большеглазые, похожие на маленьких кукол, дети. А вот настойчивые продавцы безделушек, которые приставали ко всем иностранцам по будням, видимо, сегодня отдыхали, что Малку очень обрадовало. Она потихоньку пошла вдоль пляжа: миновала ряд разноцветных моторных лодок, вытасненных на песок, и положила сумку под наклоненной к воде пальмой. Медленно, но решительно стащила с себя жаркое фирменное платье, оставшись в привычном еще по соревнованиям голубом закрытом купальнике, и, стараясь успокоиться, пошла к воде. Сердце колотилось. Может быть, все будет так, как сказала Богиня Океана, и ее дурацкая фобия пройдет так же неожиданно, как появилась? Тем более, тут не такая уж и вода, для пловчихи-то: лужица...

Малка ускорила, пробежала вниз по затягивающему ноги горячему песку и остановилась у самой кромки воды. Нет, у нее еще ничего не застыло и не дрожало, но она все равно испугалась: вдруг страх придет, и все опять станет так, как было последние месяцы...

Глубоко дыша, словно перед нырком, Малка покачалась с пятки на мысок и напряженно уставилась вдаль, а точнее говоря, на риф. Отлив потихоньку прекращался, волны уже начали перекатываться через скалы, но это ничуть не смущало большую компанию разновозрастных детей, которая пристроилась на мокрых камнях. Там было несколько девчонок примерно Малкиного возраста, парочка парней постарше и мелюзга лет семи-восьми. Они занимались чем-то странным и непонятным...

Малка настроила зрение, прищурившись, чтобы не слепила водная рябь, и поняла, что вся компания поет! Один из взрослых парней, тощий и высокий, держал меж колен такой же узкий и длинный, как он сам, жестяной барабан и ловко бил по нему ладонями. Рядом пристроилась круглолицая девочка с мокрой толстой косой, лежащей на темном от воды зеленом шарфе, перекинутом через плечо. Она, весело зажмурившись, старательно подстукивала парню на обычной пластиковой бутылке из-под кулера. Бутылка издавала солидный гудящий звук. Остальные просто хлопали в ладоши, и все – пели.

Песня была, в общем, похожей на остальные ланкийские и индийские, которых Малка наслушалась по местному телевизору и от папиного сменщика Кемала: равномерно повторяющиеся музыкальные фразы, высокие ноты с переливами... Но рядом с шумящим океаном она звучала совсем не скучно. Наоборот, сразу захотелось подойти поближе к этим ребятам и спеть вместе с ними. Может, еще и потому, что это была дружеская компания, а своих друзей Малка уже давно не видела.

Хотя даже когда они собирались вместе, например, на чьем-то дне рождения, то никто добровольно не танцевал и не пел, если только родители не заставляли («Ну что же вы не веселитесь, хоть спойте что-нибудь, выньтесь из своих телефонов дурацких»). А такие большие парни, как этот, с барабаном, обычно с мелюзгой типа Малки не общались и сидели в смартфонах или ноутбуках, отвернувшись спиной. Если бы Малке передался талант папы, она бы сочинила такую песню, которую можно петь с друзьями в солнечный день возле воды, хлопая себе в такт, и чтобы не хотелось ни ссориться, ни расходиться...

Вдруг что-то непривычное, но знакомое, влажно-теплое, прошлось по Малкиному животу. Она вздрогнула, покачнулась и поняла, что до этого не стояла, а потихоньку шла к рифу, и теперь теплая вода, которой было уже по грудь, промочила, наконец, купальник, и он отклеился от кожи. Малка замерла, но тут же оттаяла. Невидимый запрет в голове не всплывал. Никакого страха не было. Да и чего бояться в такой луже и на такой глубине! Она медленно толкнулась от дна и осторожным брассом поплыла к рифу, к поющей компании. Внутри, нарастая, стучало предчувствие чего-то очень хорошего...

Но компания вдруг прислушалась к чьему-то зову с пляжа, и песня умолкла. Один за другим ребята сползли с рифа, через который уже непрерывным потоком лилась вода, и пробрались к берегу. Совсем близко от Малки прошел худой парень, держа над головой в длин-

ных руках барабан, девочки подхватили младших под мышки и, что-то приговаривая на своем громком мелодичном языке, пошли следом за ним...

Малка растерянно встала в мутноватой воде и посмотрела на близкий и непонятно зачем теперь нужный риф. А с рифа на нее глянула та самая круглолицая девчонка, что барабанила в бутылку из-под кулера. Бутылку она держала в объятиях, опираясь на нее подбородком, болтала в воде коричневыми ступнями и смотрела, как всплывает подол ее длинной, темно-зеленой, как и шарф, юбки. Между юбкой и шарфом виднелась коротенькая сиреневая кофточка, открывающая живот. У девчонки вблизи оказались огромные черные глаза с мохнатыми ресницами, толстенькие, как у хомячка, щеки и очень хитрая улыбка. Волосы, расчесанные на прямой пробор и заплетенные в толстую косичку, выглядели густыми до ненастоящести, на верху выпуклого лба рос темный пушок, который торчал забавным клочком вверх.

Некоторое время они, кто подняв, кто опустив голову, смотрели друг на друга. Девчонка улыбалась и молчала, а Малка думала, стоит ли с ней поздороваться, и если да, то на каком языке. Наконец остановилась на английском и неуверенно выговорила:

– Привет...

– Привет! – откликнулась девчонка радостно, а потом, будто вспомнив что-то, глянула искоса и пропищала ненатуральным голосом:

– Как поживаете, мисс? Вы давно приехали? Из какой страны? Садитесь, пожалуйста! – спохватилась она и, отставив бутылку, протянула маленькую темную руку. Малка для виду подержалась за нее и легко выскочила на камни. Кулерную бутылку попыталась смыть волна, девочки ухватились за нее с двух сторон. Девчонка прыснула, надув хомячьи щеки, и с трудом сменила лицо на более благопристойное, с каким местные обычно говорили с иностранцами. Но Малку уже саму разобрал смех.

– Я... давно... приехала... – выдавила она с трудом. – Из России... Москва.

– О, Москва! – оживилась девчонка так, будто сама там родилась. – Я немножко знать по-вашему, – вдруг перешла она на русский. – Можно по-твоему сказать, хочес? Ты долго на Сри-Ланка? – не дав ответить на первый вопрос, затараторила она. – Мы мозем... Мой папа есть лодка. Мы возим крокодил.

Малка поняла, что возили они с папой, конечно, не крокодила, а наоборот, туристов смотреть на крокодилов, но уже не могла перестать смеяться.

– Ты что, хочешь продать мне экскурсию, что ли? Прямо здесь? – еле выговорила она. Девчонка безуспешно попыталась сделать степенное лицо взрослой ланкийской женщины, но ей это не удалось: она захохотала во все хомячьи щеки.

– Тебя как зовут? – спросила Малка, отсмеявшись и снова перейдя на английский.

– Нана, – девочка лукаво улыбнулась. – А тебя?

– А... малия, – неожиданно для себя представилась Малка полным именем.

– Амали? – тут же переименовала Нана на более привычный себе манер. Малка не стала спорить.

– Ну да, Амали. Я тут... не знаю на сколько. Может быть, надо будет уехать, а может, и еще поживу. Но я не знаю, могу я купить у твоего папы экскурсию или нет, мне деньги тоже папа дает, и у него не всегда есть.

Нана понимающе кивнула: проблемы с деньгами были ей явно известны не понаслышке. Бочком придвинувшись к Малке, она показала в воду под их ногами и сказала:

– Здесь много всяких... Акулы, манты, мурена. Акулы маленькие, – поспешила добавить она успокоительно. – Хочешь посмотреть?

– Давай, только за маской схожу... Слушай, а пошли вместе поплаваем, у меня вторая маска есть... Что? Ты не умеешь? – огорчилась она, видя, что Нана замялась.

– Умею... – Нана быстро огляделась и снова оживилась: – Хорошо! Только быстренько, пока мой папа не пришел, окей?

- Он тебе купаться запрещает, что ли?
- Да не-ет, – Нана хихикнула и выговорила важно: – Девушка не может ходить одна, без брата или папы, а мой брат только что ушел, ему на работу надо.
- Гм, но ты же будешь не ходить, а плавать, – рассудила Малка. – Это не считается!
- Не считается! – радостно подхватила Нана. – Иди за маской скорее! – она подтолкнула новую подругу в поясницу и обрушила ее в воду.

4. Утро. Вокка

Вода над головой колыхалась и туманилась пузырьками из-за волн, переливающихся через камни, но солнце досвечивало до самого дна. Малка и Нана плыли вдоль рифа. Нана то и дело хватала Малку за руку и тыкала в разные стороны пальцем, выпучивая глаза под маской, а иногда прямо под водой пыталась что-то сказать, но выходило только придушенное мычание.

Риф, конечно, с этой, мелкой стороны, выглядел вовсе не так, как в красочных фильмах про океаны, и поначалу Малку разочаровал: просто бесконечно длинная скала, торчащая из песка и обросшая ракушками и редкими морскими ежами. Вдоль ее подножья тянулось углубление вроде полки: там дрожала мутная тьма. Но потом Малка опустила глаза и увидела, что прямо под ней пасется, поедая водоросль, ярко-голубая рыбка. Поглядела вбок и, к своему восторгу, обнаружила целую стаю скромно-серых, зато больших рыб: они целеустремленно плыли куда-то, не слишком обращая внимания на купальщиков. Одна рыба повернулась боком к солнцу и вдруг заблестела ослепительным серебром...

Нана энергично подтолкнула Малку и показала под каменный уступ: там, в тени, неподвижно висела и смотрела на девочек квадратная рыжеватая рыба в пятнышко, огромная до жути. Кажется, это был так называемый кузовок – такой, который раздувается, если его напугать; Малка видела этих рыбок, когда отдыхала с мамой в Турции. Но там они были маленькими, а тут не кузовок, а целая корзинка! И, если уж на то пошло, под его взглядом раздуться от страха хотелось скорее Малке.

Кузовок еще немного посмотрел на них и вдруг неторопливо поехал вперед. Девочки отпрянули, пуская пузыри страха и восторга и, молотя ногами, двинулись дальше.

Нана обмотала вьющийся, как змея, шарф вокруг шеи и снова ухватила Малку за запястье, но на сей раз чтобы оторвать ее руку от скалы, на которую она оперлась. Малка недовольно замычала и тут только увидела в сантиметре от своих пальцев клешню здоровенного серо-голубого краба. Краб пошевелился и медленно отошел выше по скале, как ей показалось, с разочарованным видом. Нана показала пальцем вверх, и, когда они обе вынырнули, выдернула изо рта трубку и сообщила, то и дело сплевывая текущую с волос воду:

– Ты риф лучше не трогай, тьфу. И не вставай на него ногой. Я один раз встала, а там еж... Ой, – тьфу-тьфу, – как больно было! Папа прижигал. И краб – он как вцепится! Он, тьфу, вечно может висеть. Моему брату в тапочек вцепился, мы его так домой и принесли, отцепить нельзя было. Тьфу-тьфу, ха-ха!

– А потом отцепили? – заинтересовалась Малка.

– Ага.

– И что, отпустили?

– Скушали, – лучезарно улыбнулась Нана, снова сунула трубку в рот и нырнула. Малка последовала ее примеру.

Рыбы сменяли друг друга, как в огромном аквариуме. Все они были довольно большими и плыли куда-то по своим делам, не шарахаясь от двух девочек в масках. Только кузовок продолжал все так же сидеть под скалой, иногда чуть высовываясь. Там же, в темноте, Малке удалось разглядеть акулку, которая оказалась почему-то очень маленькой и вид имела какой-то виноватый, будто стеснялась, что не доросла до нужных размеров. Потом под ними проехал, колыхаясь, большой серый скат с хвостом-шипом: Нана тревожно поджала ноги и знаками показала Малке, что надо поскорее отплыть... Они добрались до самого края рифа, где уже чувствовалось сильное течение и начинались волны. Малка, обрадовавшись, что страх не возвращается, хотела было поплыть дальше, но Нана ее остановила. Они отплыли только на пару метров и, борясь с течением, которое пыталось расплющить их о риф, осмотрели несколько кораллов, огромную ракушку с синими краями, похожими на губы, и празднично-красную

мурену, которая с хмурым видом немного высунулась из-под этой ракушки, а потом медленно втянулась обратно...

Вода была такая теплая, что плавать в ней было даже немного жарко, а постоянное ровное бульканье в Малкиных ушах звучало как размеренный, неторопливый ритм. Под этот ритм и под сияние солнечных лучей, пронизывающих воду, сама собой возникла светлая, радостная мелодия. Песня Утреннего Отлива... Малка тихонько замычала ее сквозь маску, а океан шипел, стучал мелкими камешками и булькал в такт. Выходило красиво, жалко будет это забыть... Но забудется, понятно, как и другие мелодии, что приходили ей в голову. Играть-то Малка ни на чем не умеет. Для мамы «музыка» и «пение» стали ругательными словами задолго до того, как они с папой развелись, и про его постоянную игру на гитаре она раздраженно говорила: «Опять бренчать сел». Малка и сама видела, что особой радости это бречанье, пусть даже красивое, никому в семье не приносит, поэтому вовсе не возражала, когда мама повела ее заниматься в бассейн. В постоянных тренировках и соревнованиях мелодии, которые лет с трех вертелись в ее голове, постепенно ушли. И только сейчас ни с того ни с сего появились снова...

Наболтавшись в волнах и насмотревшись на мурену и цветных рыбок, девочки всплыли под защиту рифа. Нана привстала в воде, глянула на берег, испуганно пискнула и потянула с себя маску.

– Ты чего? – забеспокоилась Малка. Нана покосилась на нее сквозь слипшиеся ресницы и зашмыгала носом.

– О, Амали, мой папа пришел. Вон он, видишь? Возле лодки. Он так будет ругаться... Девушке нельзя одной на пляже, – снова пополам с грустью в ее голосе послышалась гордость.

– Пошли, я с тобой: скажу ему, что мы вместе купались, – Малка потянула ее за зеленый шарф и решительно двинулась к берегу, разгребая плотную теплую воду.

Они так долго плавали в океанской невесомости, что теперь, на воздухе, двигаться было немного тяжеловато. Девочки ковыляли друг за другом: впереди – Нана, с одежды и косы которой ручьем лилась вода, а позади – держащая ее за шарф, как за поводок, Малка.

Грозный папа встречал дочь у самой кромки воды, увязнув босыми коричневыми ногами в песке. Он был очень низеньким, очень худым и будто иссушенным солнцем, как мумия: на темном лице выделялись только очень крупные зубы и небольшие, как у медвежонка, черные глаза с желтоватыми белками. Одежда у него оказалась обычной безо всяких юбок: светлые короткие брюки и рубашка в голубую клеточку. Малка в недоумении обошла подругу, накинув ей на плечо многострадальный шарф, и остановилась перед отцом Наны, глядя на него немного сверху вниз. Бояться его было, несомненно, труднее, чем рыбу-кузовка.

– Здравствуйте, мисс! – вдруг сказал ей ланкиец по-английски и расплылся в улыбке, показывая свои несоразмерные лицу зубы. – Как поживаете? Давно приехали? Откуда?

Нана, принявшая было виноватый вид, оживилась, тоже заулыбалась хомячьими щеками и быстро затараторила что-то на сингальском, судя по всему, пытаясь ввести отца в курс дела. Но тот прервал ее строгим голосом, каким родители делают внушение, и произнес пару фраз, указывая то на риф, то куда-то себе за спину. Дочь, не теряя оживления в лице, картинно понурилась, а Малка вздохнула, готовясь долго ждать, когда ей удастся вставить слово в защиту подруги. Но Нанин отец вдруг снова приветливо улыбнулся и обратился лично к ней на ущербном русском:

– Вы приехать из Руси? Там холодно сейчас, да? – он выразительно потер себе предплечья.

– Немного, – согласилась Малка.

– Вас зовут Амали? Я Вокка, – он протянул ей худую твердую руку. – Мисс, у меня есть лодка. Мозно плавать маяк.

– Да, Нана мне говорила, но...

– А мозно – в мангро, – мягко, но настойчиво продолжал Вокка. – Река. Крокодил, варан, ореол...

– Ореол? – переспросила Малка. Вокка выразительно взмахнул руками, словно крыльями, и она догадалась:

– Аа, орел... Спасибо, но я...

– Трисать доллар.

– Понимаете...

– Мозно цвацать пять.

– Можно, но у меня...

Вокка неожиданно достал из кармана большой смартфон и ловко подsunул ей под нос. На экране светилась фотка мрачной китайки в панаме, у которой на голове сидел, разинув рот, маленький крокодильчик...

Тут наконец подключилась Нана и, видимо, растолковала отцу, что денег у Малки нет. Вокка опять что-то ответил дочери строгим тоном – дескать, не встревай, я сам разберусь, но на Малку взглянул с неизменной улыбкой:

– Мисс, купайся осторожно. Риф, еж, манты, – он снова взмахнул руками, на сей раз плавно, показывая ската. – У них там шип.

– Конечно, спасибо, – серьезно ответила Малка. Нанин отец, несмотря на обычное для местных стремление продать экскурсии, ей понравился почти так же, как сама Нана. Плохо было только то, что он явно собирался увести ее новую подругу с собой: повелительно махнул рукой, развернулся и зашагал от воды. Нана послушно двинулась за ним, при этом потихоньку прыскавая и подталкивая локтем Малку, которая тоже невольнo шла следом.

Такой вереницей они дошли до ряда цветастых лодок, одна из которых, судя по всему, и принадлежала Вокке. А за лодками, под деревом, был выход с пляжа на местную деревенскую улицу.

– Амали, приходи завтра, – зашептала было Нана, но Вокка вдруг резко остановился, перегородив путь какой-то компании, которая показалась Малке непривычно бледнолицей, хотя и знакомой. Почти сразу она их узнала: та самая противная семейка с маленькой девчонкой, ее тезкой. Папаша с красным, обгорелым животом, торчащим из рубашки, как обычно, тянул пиво, у мамыши тощие коленки мелькали под золотым парео, в ушах болтались громадные кольца, и была такая высокая прическа, будто она собралась не купаться, а в театр. На прическе лежали черные очки, а глаза снисходительно шурились на Вокку, который говорил на выразительном ломаном русском про своих крокодилов и маяк.

– Я ничего не поняла, – послушав, громко сказала она. – Нормально можно сказать? Вить, ты понял?

– Че-то там тридцать баксов у него стоит, – отозвался ее муж.

– Do you speak english? – не растерялся Вокка.

Мать Амалии брезгливо сморщилась:

– Нельзя нормально сказать, по-русски? Мы по шри-ланкски не понимаем.

Малка бросила взгляд на Нану, чтобы вместе с ней похихикать над глупым семейством, но вид у Наны был неожиданно напряженный. Да и Вокка поверх своей постоянной улыбки глядел серьезно. Малка вдруг вспомнила, что рассказывал папа: местные иногда буквально живут за счет экскурсий, дома у многих очень бедные и даже часто не на что купить еды... Конечно, у Вокки есть лодка, но почему он сам такой худой? Да и вообще, почему бы не помочь новой подруге?

Малка набрала воздуха и громко сообщила:

– Он вам предлагает две экскурсии: одну – на вон тот маяк, а вторую – на реку, в мангры. Там можно увидеть варанов, орлов и даже крокодилов.

При слове «крокодилы» Вокка жестом фокусника извлек свой смартфон и продемонстрировал фотку все той же мрачной китайки с крокодильчиком на голове.

– Во! Нормально так! – развеселился отец семейства. – Свет, смори!

– Покажи-и, что-о? – заныла дочка.

– Это крокодильчик, Амалия, – отозвалась мать, снова напирая на имя так, что Малка сморщилась. – Смотри, какой крокодильчик на тетеньке, да?

– Тридцать долларс, – вставил Вокка. – Недалеко ездить. Есе мозно храм, слон, церепак...

– Свет, ну как?

– Ну не знаю, он же нормально по-русски не говорит. Это неинтересно, должен быть нормальный гид, я считаю...

– Я могу переводить, – вдруг дернул кто-то Малку за язык. Света глянула на нее голубыми глазками в слипшихся от туши ресницах.

– А ты знаешь шри-ланкский?

– Нет, сингальского не знаю. Я с английского. Можно?.. – она хотела было перевести свои слова для Вокки с Наной, но оказалось, что они понимают по-русски лучше, чем говорят. Лица обоих озарились улыбками.

– Если можешь переводить, поедем с нами без денег, – сказал по-английски Вокка.

– Спасибо... А можно взять еще Нану? Мы... подружались.

Вокка подозрительно глянул на дочь. Та быстро опустила глаза и изобразила смирение, а потом потихоньку кивнула. Он вздохнул и разрешил:

– Хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.